

политику противодействия преступности. Однако такое «веление», или приказание, требование само по себе не реализуется. Нужны усилия субъектов противодействия преступности, специалистов в области научной, законодательной, правоохранительной деятельности.

И одним из средств интеграции этих усилий рассматривается овладение заинтересованными субъектами криминологическим мышлением. Идея эта не нова, вспомним прозорливого Ф. Листа, который писал о необходимости владеть, по сути, такого рода мышлением.

Сущность криминологического мышления вытекает из криминологической целесообразности, то есть соответствия управленческих оценок, решений, действий в отношении преступности и их результатов криминологическим целям, органически связанным с политическими целями.

На основе криминологического мышления (профессионального единодушия) возможна системная интеграция, или *процесс объединения нескольких систем и компонентов в единую, целостную систему, которая работает для достижения общей цели*. Например, в качестве такого системного интегратора в практической сфере представляется возможным рассматривать своего рода *координационную структуру* органа управления исполнительной власти, правоохранительной деятельности и т. п.

Таким образом, рожденная в прошлом жизненно важная идея интеграции усилий уголовно-правовых наук и практик, сегодня остается не только по-прежнему актуальной, но и рассматривается как основополагающая идея в политике противодействия преступности.

Грязнова Татьяна Евгеньевна,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
начальник кафедры теории и истории права
и государства Омской академии МВД России

Состояние и стратегические задачи отечественной юридической науки: взгляд российских правоведов рубежа XIX — XX века

Доктринальная юриспруденция Российской империи конца XIX — начала XX века для современной юридической науки представляет интерес во многих отношениях. Именно в этот период благодаря влиянию исторической школы права и материализма, а также достижениям целого ряда гуманитарных наук (в первую очередь социологии, биологии и психологии) происходит преодоление правового этатизма, достаточно длительное время определявшего направленность развития юридического знания. В это же время отечественными правоведами остро осознается необходимость перехода отечественной юридической науки от накопления теоретических знаний и решения прикладных задач к профессиональному юридическому мышлению.

Так, С. А. Муромцев неоднократно подчеркивал, что «научное самосознание отстает от действительного состояния науки, задерживая ее поступательное движение»¹. Б. А. Кистяковский выразительно характеризовал состояние современной ему юриспруденции в качестве «методологического бездорожья»², обусловленного как накоплением в социально-гуманитарном знании огромной массы неотрефлексированных научных данных, так и идейным хаосом предшествующих десятилетий.

Поэтому не удивительно, что помимо проблематики, связанной с исследованием феноменов государства и права, отечественные правоведы конца XIX века, безотносительно к разделяющим их методологическим парадигмам и типам правопонимания, начинают активно рефлексировать по поводу предмета, методов, структуры и социального назначения юридической науки. В зависимости от избранного ракурса на предмет юриспруденции — норм, идей, правоотношений, эмоций или их совокупности — правоведами определялся круг методов, посредством которых следует изучать правовые явления. Объединяло всех российских ученых признание нормативного характера позитивного права, соответственно, значимости формально-догматического метода его изучения.

Поиск универсальной методологической парадигмы не увенчался успехом, что вполне объяснимо, учитывая многообразие представлений о праве, однако важным его результатом стало

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права (часть первая) // Муромцев С. А. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва, 2015. С. 27.

² Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916. С. 664.

формирование науки общей теории права. Обосновывая значение новой науки, Н. М. Коркунов пишет: именно «общая теория права есть... краеугольный камень системы правоведения; она связывает отдельные дисциплины и их содержание в одно целое»¹.

Предусматриваемый общей теорией права формат исследований («наука для науки», по выражению С. А. Муромцева) никоим образом не умалял их практической ценности. «Практика... только выиграла от такого рода изменения»², — писал С. А. Муромцев. «Эмансипировавшись... из-под непосредственного давления жизни, наука, по своим результатам, не только продолжала существовать для нее, но умножила свое служебное значение»³, — констатировал он.

Поворот юридической науки в сторону общетеоретических исследований требовал существенного пересмотра парадигмы юридического образования, сориентированного на удовлетворение государственных потребностей в практикующих юристах, в разы увеличившейся после судебной реформы 1864 года. Несмотря на несомненную либерализацию юридического образования, предусмотренную университетскими уставами 1835 и 1863 годов (в части расширения спектра преподаваемых дисциплин, в том числе историко-правового и общетеоретического профиля), заложенная в начале XIX века методика подготовки отечественных правоведов не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Львиная доля учебного времени отводилась практическим занятиям — составлению документов, решению юридических казусов и толкованию норм права. Л. И. Петражицкий с горечью отмечал, что вместо восполнения «вопиющих пробелов» в сфере государственных наук, мы «измышляем разные возможные и невозможные специальные практические занятия, чтобы чем-то заполнить время и занять студентов-юристов»⁴.

Не удивительно, что отечественная профессура выступала с резкой критикой университетской системы образования, считая необходимым изменение пропорции практического и теоретического обучения в сторону расширения последнего. Помимо существенного увеличения доли лекционных занятий, отечественные правоведы выступали за распределение учебного времени с учетом профиля юридических наук, внедрение в образовательный процесс достижений из иных областей социально-гуманитарного знания (в первую очередь философии, психологии, социологии, экономики и политики), расширение перечня теоретико- и историко-правовых наук, введение письменных работ, направленных на развитие теоретико-правового мышления обучающихся.

Так, исходя из специфики предметов и назначения юридических наук, Н. М. Коркунов обосновывал необходимость их разграничения на две неразрывно взаимосвязанные категории — науки прикладные и науки фундаментальные. «Наука положительного права есть... наука прикладная, развивающаяся в силу потребностей практического изучения права... Но всякая практика предполагает... теорию... Практика ставит нам вопросы, теория дает общие начала, как основу их разрешения»⁵, — писал автор. «Только существование теоретического изучения, на ряду с практическим, создает для правоведения возможность непрерывного, преемственного развития»⁶, — констатировал он.

К числу фундаментальных теоретических юридических наук ученые относили общую теорию права, историю права и историю учений о праве. Поясняя значение общей теории права, Н. М. Коркунов писал: «Если ... мы определим задачу научного правоведения, как выяснение действия права вообще ... то этим мы достигнем полного соответствия чистой науки и науки прикладной. Практическое правоведение имеет своей задачей изучение действия той или другой национальной системы права, теоретическое — действие права вообще»⁷.

Знание истории права, согласно российским правоведам (отметим, что самостоятельные кафедры истории русского права были предусмотрены на юридических факультетах, начиная с Устава 1863 г.), является залогом уяснения закономерностей формирования современных правовых систем, без чего немислимо их научное познание и определение перспектив развития. «Только при помощи истории права выясняются вполне те юридические принципы, которые имеют такое

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. Санкт-Петербург, 2003. С. 49.

² Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2004. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Петражицкий Л. И. Университет и наука. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1. С. 49, 52.

⁵ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 22–23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 28.

важное значение для догматики и которые представляют собой чаще всего историческую тенденцию данного права»¹, — подчеркивал Г. Ф. Шершеневич.

Что касается истории воззрений на право, то без нее отечественная профессура не мыслила полноценное юридическое образование, впрочем, как и научную юриспруденцию в целом. Например, Н. М. Коркунов был убежден: что «нельзя понять... положительного права, не имея понятия о том, какими теоретическими воззрениями руководствовались люди, созидавшие обычаи, законодательство, судебную практику»². «Для юриста они имеют значение не только как переходные ступени к... более новым теориям, а... главным образом, по тому влиянию, какое они... оказали на действительный строй современных им общественных отношений»³, — продолжал автор.

И это влияние в переломные исторические эпохи зачастую было определяющим. Так, величайшую заслугу европейских мыслителей XVIII века (Д. Локка, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо) российские ученые видели в разработке принципов правового государства, послуживших идеологической основой установления конституционных форм, а также формирования и развития отрасли конституционного (государственного) права⁴. Не случайно Ф. Ф. Кокошкин подчеркивал, что идея правового государства «только в конституционном государстве... нашла себе практическое выражение»⁵. Прочно войдя в правосознание европейских народов, идеал правового государства стал маяком, определяющим вектор развития политических систем Нового времени.

Акцент на огромном мировоззренческом и преобразовательном потенциале юридической науки был свойственен отечественной доктринальной юриспруденции безотносительно к имеющимся в ее среде разногласиям по вопросам понимания права. Так, размышляя над соотношением умозрительной и утилитарной мотивации развития юриспруденции, А. С. Алексеев писал: «юрист, игнорирующий те практические требования, удовлетворение которых современный человек ждет от государства, напишет, пожалуй, ученую книгу, но не создаст плодотворного труда»⁶. Поскольку под таковыми имелась в виду реализация принципов правового государства, автор был убежден в ущербности любого концепта, прямо или косвенно препятствующего данному процессу. «Юрист не только должен овладеть правовым материалом и уметь пользоваться приемами формальной логики: он должен... знать жизнь, ее требования и запросы, черпать из жизни и творить для жизни»⁷, — констатировал он. Согласно Н. И. Лазаревскому, именно конституционализм «в силу своей жизненной, практической целесообразности, властно определяет направление дальнейшего развития политических учреждений современных государств»⁸. Фиксируя внимание на тесной взаимосвязи «характера науки» и «исторических потребностей эпохи», В. М. Гессен утверждал: «Государственная наука Нового времени является, прежде всего, практической... Ее первой задачей является не изучение того, что есть, а выяснение того, что должно быть»⁹.

Смещение направленности юридического знания с правоприменительной и правореализационной практикоориентированности на мировоззренческую, призванную конструировать отвечающие новой социальной реальности правовые формы и претворять их в жизнь, позволило российским ученым рассматривать юридическую науку как важнейший фактор общественного и государственного прогресса. Не случайно периодизацию юриспруденции Н. М. Коркунов производил, руководствуясь критерием «соотношения практического и теоретического изучения права», отмечая, что она «совпадает с главнейшими эпохами развития духовной жизни человечества»¹⁰. Он различал юриспруденцию римскую, средневековую, новую и новейшую, усматривая в эпохе Возрождения

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права / Избранное: в 6 т. Т. IV / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва, 2016. С. 684.

² Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1898. С. 2–3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Алексеев А. С. Конспект лекций по русскому государственному праву, читанных в 1891-1892 акад. году. Москва, 1892. С. 280, 348; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Санкт-Петербург, 1886. Т. I. С. 190, 381–393; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Санкт-Петербург, 1908. Т. I. С. 4–9; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Москва, 2004. С. 210–211, 220, 235–240.

⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Москва, 2004. С. 222.

⁶ Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. Москва, 1895. С. 8.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Санкт-Петербург, 1908. Т. I. С. 4.

⁹ Гессен В. М. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 1912. С. 4.

¹⁰ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 56.

появление того «духа свободного исследования», который позволил европейскому теоретическому правоведению эффективно выполнять идеологическую и прогностическую функции¹.

Что касается отечественного теоретического правоведения, то именно с его преобразовательным потенциалом ученые связывали будущее России. В условиях имперских реалий практическую ценность фундаментальной юридической науки они усматривали в разработке приемлемой для своего отечества модели правового государства; в изучении провозглашенных в период буржуазно-демократической революции начала XX века принципов конституционализма и формировании науки и отрасли отечественного конституционного (государственного) права; в выявлении исторических закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, а также факторов, определяющих специфику национальных правовых систем, с целью применения в правотворческой деятельности; в создании науки политики права, назначение которой усматривали в критическом анализе правового порядка, выявлении пробелов права и определении стратегических направлений правотворческой деятельности.

Дворянсков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета имени А. С. Грибоедова

Российские научные исследования (на примере юридической науки): *per aspera ad astra*

В современной российской науке сложились определенные тенденции, не все из которых можно назвать позитивными. Можно выделить два их аспекта: содержательный и формальный.

Содержательный аспект. Важнейшим критерием состоятельности научного исследования выступает его новизна. Это безусловное требование, в частности, для диссертационных исследований (кстати, не только по юриспруденции). В Положении о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 25 января 2024 г.) «О порядке присуждения ученых степеней» (далее — Положение о присуждении ученых степеней) прямо и недвусмысленно сказано, что диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку.

Солидные издания (журналы, альманахи, сборники трудов), уважающие себя издательства никогда не опубликуют труды, не обладающие научной новизной, то есть не вносящие никакого вклада в науку, не представляющие никакой ценности, и к тому же, как зачастую бывает, заимствованные (как содержательно, так и текстуально). Но для авторов последних существует «палочка-выручалочка» в виде мусорных или, как их еще называют, «хищных» журналов, за определенную плату готовых опубликовать что угодно. У них нет подлинного научного рецензирования, хотя каким-то образом многие из них входят в перечень изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации (далее — Минобрнауки России).

Что же позволяет плодиться таким изданиям и держаться на плаву? Как известно, спрос рождает предложение. К сожалению, реальностью последних лет в нашей стране стал феномен требования обязательного количества публикаций для работников вузов и научных организаций. Оно входит в число обязательных наукометрических показателей, по которым оценивается научная работа (от сотрудника до всей организации). Напомним, что к ним относятся:

- общее число публикаций;
- индекс цитируемости публикаций (общее количество ссылок, сделанные на труды автора);
- индекс Хирша (*h*-индекс позволяет оценить как общее количество опубликованных автором статей и уровень цитируемости отдельных его трудов);

¹ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 57.